© Сафронова Е.В., Шайрян Г.П.

DOI: DOI 10.24412/2309-1592-2021-3-62-72
УДК 342.365

# ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СТРУКТУРА И ПОЛНОМОЧИЯ МОНАРХА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

***Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор,***
***Белгородский государственный национальный исследовательский университет***
***e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru***

***Шайрян Георгий Павлович, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,***
***Международная академия бизнеса и управления***
***e-mail: geoq5219@mail.ru***

**Аннотация.** В статье освещаются особенности структуры верховной власти в Российской империи второй половины XIX в. – начала XX в., царственным обладателем которой был наследственный самодержец. Раскрывается ее правовая уникальность, а также полномочия монарха, располагавшего правами и прерогативами, которые охватывали область государственного управления, династические и царско-церковные правоотношения. В статье дается подробная характеристика традиционным для монархии полномочиям правителя: Право милостей, Право аболиции, Право диспенсации, Прерогативы царствующего самодержца, Права в сфере военного дела, Право внешних сношений, Право дарования государственных отличий. Делается вывод о соответствии верховной самодержавной власти и присущих ей объемом прав российского монарха и области их применения, которая распространялась на государственную кадровую политику в ее ключевых областях, регулирование денежного обращения и контроля за результатами формирования бюджета, единоличное распоряжение рядом имущественных прав, а также на распоряжение правами состояния.

**Ключевые слова:** Российская империя, структура власти, полномочия монарха, верховная власть, монархия, прерогативы монарха.

Генезис верховной власти периода Российской империи не оставляет равнодушным ни одного историка права, изучающего возникновение и развитие российской государственности. Поиски ответа на вопрос о том, какова была структура верховной власти российского монарха, основанные на самых различных методологических подходах, пока не ознаменовались согласованным научным результатом ни между зарубежными, ни между отечественными исследователями. Представления о властном верховенстве русских государей многими авторами основывается на западноевропейском опыте изучения абсолютизма королевских особ, которого, как показывают

современные исследования зарубежных коллег, в классическом варианте его полной юридической неограниченности фактически не существовало.

Следование части отечественных ученых в фарватере европейского теоретического знания о государстве и недостаточно критической экстраполяции этого знания на русскую юридическую жизнь зачастую приводят к утрате научной объективности, оставляя без должного внимания сложившиеся и законодательно закрепленные особенности полномочий царствующего самодержца, верховная власть которого родилась на благодатной почве российской государственности. Она стала естественным следствием ее неповторимого цивилизационно-культурного кода, в котором мировоззрение православных христиан тесно сочеталось с древними историческими корнями русского народа с его пониманием права как главного регулятора государственной и общественной жизни, неотделимого от его религиозно-нравственных интересов и задач государственного строительства в огромной стране. В результате, в руках обладателя верховной власти, который располагал исключительным государственно-каноническим правовым статусом вступившего на Престол наследственного коронованного монарха с присущими только ему правами и прерогативами, концентрировалась вся полнота верховной самодержавной власти, власти главы государства, династии и Церкви.

**Верховная самодержавная власть.** Первенствующее положение в структуре власти российского государя занимала верховная самодержавная власть. Она выполняла задачу, которую каждый «вступивший на престол монарх решал по-своему, безраздельно обладая правом принимать окончательные решения по всем вопросам общегосударственного значения»[1]. Ее наличие, условия и основания возникновения, а также область применения в общих чертах были установлены в Основных государственных законах в редакции 1832 г., а в наиболее полном виде раскрыты в их редакции 1906 г. Из содержащихся в ней законодательных норм устанавливается, что субъектом верховной самодержавной власти являлся вступивший на престол российский монарх, имевший царский (императорский) титул, что верховная самодержавная власть не только относилась к высшей власти, поскольку ее обладатель был «государь государства больши»[2], но и служила «источником для всякой другой власти в государстве»[3], действовала всегда, но особо проявляла себя в исключительных обстоятельствах государственной жизни Российской империи в рамках царской прерогативы[4].

---

[1] Грачев Н.И**.** Функции государства, верховной власти и государственного аппарата // Вестник Саратовской государственной академии. Саратов, 2019. № 3 (128). С. 24.

[2] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1871. С. 223–224.

[3] Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912. С. 155.

[4] Тихомиров М.Н. Монархическая государственность. М.,1998. С. 365.

Содержание верховной самодержавной власти, определялось соответствующим ей объемом прав российского монарха и области их применения, которая распространялась на государственную кадровую политику в ее ключевых областях, регулирование денежного обращения и контроля за результатами формирования бюджета, единоличное распоряжение рядом имущественных прав, а также на распоряжение правами состояния.

*Право милостей.* Это право было очень обширным. Оно применялось не только и не столько ради освобождения царских подданных от различных наказаний, сколько выражало уважение царя к его подданным. В Московском государстве это были посылки с царского стола кушаний боярам, окольничим в знак особого царского благоволения[1], пожалование мест, земельных владений, дарование жалованных грамот с различными льготами, предоставлявшими их владельцам исключительные права, и т.д. В дальнейшем дарование милостей касалось как отдельных лиц, награждаемых материальными благами, чинами, орденами, титулами, но также малых и больших групп населения. Екатерина II даровала вольности дворянству[2], Александр II освободил крестьян от крепостной зависимости[3] Николай II манифестом от 17 октября 1905 г. даровал расширенные гражданские права и свободы[4].

*Право аболиции.* Располагая этим правом, монарх мог приостанавливать начатые в рамках уголовного преследования следственные действия и прекращать их полностью, мог вмешиваться в гражданский процесс, принимая решения в отношении отмены или облегчения бремени накладываемых судом штрафов, что «токмо от Ея Императорского Величества Высочайшей власти зависит»[5].

*Право диспенсации.* Это право монарха считалось давним и традиционным, понимаемым как «вообще дарование милостей в случаях особых, не подходящих под действие общих законов»[6], и было конкретным проявлением верховной самодержавной власти.

*Право дарования государственных отличий*. В силу ст. 19 ОГЗ 1906 г. закон оставлял лично за монархом право пожалования титулов, орденов и других государственных наград. Им непосредственно определялись «условия

---

[1]Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона: в 86 т. СПб., 1898. Т. XXIV. С. 47.

[2] ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. XXII. № 16187. С. 358–384.

[3]Высочайше утвержденное положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗ РИ Собр.второе. Т. XXXVI. № 36657. С.141–173.

[4] Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // ПСЗ РИ Собр. третье. Т. XXV. № 26803. С. 754.

[5]Инструкция Канцелярии Конфискации от 7 августа 1730 г. // ПСЗ РИ. Собр. первое. № 5601. С. 305.

[6] СЗ РИ 1912. ОГЗ 1906. Ст. 23. С. 2.

и порядок пожалования титулов, орденов и отличий»[1], а также решался вопрос о приобретении и восстановлении прав состояния[2].

*Права в сфере военного дела*. Согласно положений ст. 14 ОГЗ 1906 г., «Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота»[3]. Наиболее ярко право монарха лично регулировать правоотношения, возникающие в сфере военного дела, проявлялись в военном строительстве и в военном управлении в мирное и, конечно, в военное время. Особенностью его осуществления, характерной для всего периода царского самодержавия, было разделение прав верховного командования, которое осуществлял царь единолично, от прав, которые он делегировал назначаемым им для ведения боевых действий военачальникам. При необходимости Император брал на себя обязанности Верховного главнокомандующего действующей армией[4].

*Право внешних сношений*. По сложившемуся обычаю, еще со времени существования Древнерусского государства право внешних сношений всегда принадлежало верховному правителю. Он определял структуру, порядок формирования и деятельности, а также функции и юридический статус органов верховной власти и лиц, осуществлявших его дипломатическое представительство в сфере межгосударственного общения. Монарху принадлежало право заключения любых международных договоров, дипломатической переписки, публичного объявления результатов его внешнеполитической деятельности. В ОГЗ 1906 г. была включена статья о том, что «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства»[5]. Исключительное право монарха на внешние сношения, включая право определять границы Российской империи, подписывать лично или через представителей ратифицировать международные договоры, признавать автономию иностранных территорий, устанавливать протекторат и разделять сферы влияния, законодательными изменениями начала XX в. затронуто не было. Право «на платежи по государственным долгам и другим принятым на себя Российским Государством обязательствам»[6] также оказалось вне компетенции законосовещательных органов царской власти российского монарха – Государственного Совета и Государственной Думы.

*Прерогативы царствующего самодержца*. Они занимали особое место среди всего комплекса исключительных прав, принадлежавших российскому государю как обладателю верховной самодержавной власти, сложились по обычаю и были впоследствии установлены Основными государственными законами Российской империи. Положения о них были кодифицированы на

---

[1] Там же. Ст.19. С. 3.
[2] См.: Рождественский Н. Ф. Руководство к российским законам. СПб, 1848. С. 150-151.
[3] Там же. Ст. 14. С. 2.
[4] ГАРФ. Ф.601.Оп1.Д.619.Л. 1.
[5] СЗ РИ 1912 ОГЗ 1906. Ст.12. С. 3.
[6] Там же. Ст. 114. С. 17.

основании разрозненных государственных нормативных актов предыдущего времени с учетом сформировавшихся представлений о их традиционном содержании. Принадлежавшие монарху прерогативы одновременно именовались преимуществами. В научной литературе дореволюционного времени их было принято делить на почетные и реальные преимущества. Почетные преимущества включали титул и царские атрибуты (одновременно именовавшиеся регалиями) — государственный герб, государственную печать, государственный меч, государственное знамя, корону, скипетр, державу, бармы, порфиру, далматик, трон. Они служили вещественным доказательством исключительного статуса монарха и видимым средством легитимации его верховной власти. Реальные преимущества означали, что монарх обладал юридической безответственностью, а также пользовался неприкосновенностью священной особы, права и преимущества которой также были священны, что предусматривало предоставление ему повышенной государственной охраны от противоправных посягательств и ограждение от заразных заболеваний. К реальным преимуществам относилось личное содержание монарха и содержание его двора за счет средств государственного бюджета.

**Власть главы государства.** Как глава государства российский монарх обладал правами и прерогативами, установленными ОГЗ 1832 г., которые были уточнены и детализированы в ОГЗ 1906 г. в специально выделенной с этой целью первой главе «О существе Верховной Самодержавной власти».

*Права на управление и законодательство.* До принятия ОГЗ 1906 г. эти права законодательно не разделялись и осуществлялись государем одновременно: «Царю принадлежало право законодательства и вся полнота исполнительной власти»[1]. Указы русских государей, представлявшие собой административно-управленческие повеления, обычно содержали законодательные нормы, которые обеспечивали их практическую реализацию. Эти указы могли исходить непосредственно от государя, либо публиковаться после их утверждения правящим монархом, в случае, если в их подготовке принимали участие специально созданные с этой целью учреждения или привлекаемые отдельные лица, которые в различное время их существования имели неодинаковую степень законосовещательной свободы, всегда оставаясь под контролем верховной самодержавной власти. Исключение в истории российской государственности составлял лишь Верховный тайный совет (1726-1730 г.г.), деятельность которого была недолговременной.

*Право государственного управления* делилось на верховное и подчиненное, где первое осуществлялось непосредственно монархом, а второе реализовалось через государственные учреждения ведомственного типа.

[1] Базилевич К.В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. № 11. 1949. С. 71.

*Право на суд.* Верховное право суда, концентрируемое в монаршей особе, самодержец всегда оставлял за собой[1]. Оно сохранилось и после проведения судебной реформы 1866-1899 гг., заметно поколебавшей основы российского самодержавия. В ст. 22 ОГЗ 1906 судебный статус монарха был закреплен следующим образом: «Судебная власть осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение именем Императорского Величества». В рамках осуществления верховного надзора над деятельностью судов как органов подчиненного управления[2] государь обладал правом не только аболиции, о чем уже шла речь, но также правом амнистии, помилования, смягчения или отмены наказаний и приговоров. Это означало, что «…русский Император, как единый глава судебной власти, воплощает в себе понятие Верховной юстиции, которая пробуждается к жизни в непосредственных выражениях в исключительных случаях, не в форме юрисдикции, но в форме общего высшего руководительства; общее же право судоговорения вверяется им специальным органам»[3]. Такое распределение функций и иерархическое построение судебной системы во главе с царствовавшим монархом, обладавшим возможностью прямого участия в судопроизводстве, имело свой целью устранить опасность превращения судов из органов, «функции которых сводятся к применению законов»[4], в правоустанавливающие органы власти, способные судебным решением изменить смысл действовавших законодательных норм.

**Власть главы династии.** Как Глава династии и Императорской Фамилии царствующий монарх пользовался правами Главы Императорского Дома. До конца XVIII в. права вступившего на престол государя в отношении регулирования династических отношений не имели законодательного оформления в постоянно действовавшем законе. Они определялись им самим и вытекали из обычая и завещания, где указывалось на лицо, получившее от своего предшественника право на наследование верховной власти. Царь самостоятельно решал судьбу своих близких и дальних родственников, назначая их своими указами на ответственные государственные должности, награждал их деньгами, чинами, землями или налагал на них опалу в случае провинности. В 1797 г. Павел I поменял обычный порядок, законодательно установив права монарха в отношении лиц, принадлежавших к правящей династии в специальном законе, получившем название Учреждение о Императорской Фамилии (УИФ), в котором устанавливались их отношения друг к другу. Природа установленных в УИФ прав российского монарха носила семейно-публичный характер, поскольку, с одной стороны, права монарха как Главы династии основывались на его родовой власти, которую он приобретал в силу наследования престола, принадлежавшего ему по праву

---

[1] Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. СПб., 1886. С. 254.
[2] Сокольский В.В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса, 1890. С. 96.
[3] Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 175.
[4] Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1892. С. 184.

его принадлежности к правящему роду и особому положению в нем. С другой стороны, права монарха как Главы династии были неотделимы от принадлежавшей ему верховной власти. Это обстоятельство позволяет утверждать, что монарх пользовался в отношении членов Императорской Фамилии публичными правами неограниченного самодержца, как на это было указано в ст. 202 ОГЗ 1832 г. и в ст. 222 ОГЗ 1906 г. Поэтому, скорее следует поддержать мнение А.Д. Градовского о том, что «для каждого члена Императорского Дома по отношению к Императору устанавливаются обязанности двоякого рода: как к Самодержавному Государю и как к Главе дома»[1]. Не разделяя мнения А.Д. Градовского, П.Е. Казанский настаивал на том, что власть императора в этом отношении была исключительно публичной[2]. В.В. Сокольский, напротив, видел в ней лишь «особую родовую власть»[3], а С.А. Корф полагал, что УИФ следует вообще исключить из текста Основных государственных законов, поскольку он считал, что УИФ представлял собой «семейный статут, являющийся актом верховного управления»[4]. Понятно, что при таком подходе это означало бы неприемлемое для самодержавия принижение государственно-правовой роли важнейшего семейно-династического института, стоящего на охране наследственной передачи верховной власти.

Царствующий монарх пользовался правом на внесение новорожденного в родословную книгу Российского Императорского Дома, повелевая, как гласит ст. 93 ОГЗ 1832 г. и ст. 157 ОГЗ 1906 г., внести туда его имя. При этом, закон устанавливал, что Родословная книга была «основанием для сопричтения к поколению Императорскому»[5]. Из такой постановки вопроса было очевидно, что государь мог такого повеления не отдавать и, тем самым, лишить новорожденного прав на престолонаследие, хотя такие прецеденты в истории российской монархии были неизвестны. Все брачные союзы, вступление и расторжение которых регулировалось главой пятой УИФ «О гражданских правах Членов Императорского Дома», осуществлялись только с разрешения царствовавшего монарха, что гарантировало воплощение его самодержавной воли в целях государственной стабильности при сохранении царствующей династии.

**Власть главы Церкви**. Русский самодержец как «христианский правитель одновременно является и Главой Государства, и Главой Церкви»[6]. Впервые на законодательном уровне на это обстоятельство было указано в

[1] Градовский, А.Д. Начала русского государственного права. Т.1. 1875. С. 191.
[2]Казанский, 2007:157). Казанский, П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 157.
[3]Сокольский В.В. Указ.соч. С.128.
[4]Корф, С.А. История русской государственности. Основные черты древне-русского государства. Т 1. СПб., 1908. С. 283.
[5] СЗ РИ 1912. ОГЗ 1906 Ст.142. С. 21.
[6] Бобровницкая И.А. Первая императорская корона России // Мир музея. 1988. № 4. С. 45.

Акте о престолонаследии 1797 г., в фундаментальном законе[1], который определил особое место российского монарха как Главы Церкви в системе царской власти. Уточняя его положение в ст. 64 ОГЗ 1906 г., отмечалось, что «Императоръ, яко Христианский Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей веры, и блюститель правоверия и всякаго въ церкви святой благочиния. 1721 Янв. 25 (3718) ч. I, введ. Въ семъ смысле Императоръ, в акте о наследии Престола 1797 Апр. 5 (17910) именуется Главою Церкви»[2].

Возникновение церковных прав российского государя следовало из факта занятия им императорского престола и следующего за этим чина священного коронования и миропомазания (венчания на царство). Являясь «центральной декларативной церемонией российской монархии»[3], этот чин раскрывал характер и цели христианской государственности, а также государственно-канонический правовой статус обладателя верховной самодержавной власти. Коронование подтверждало священность царской особы, представляя собой установленное законом видимое свидетельство тесного союза государства с Церковью, делая «ее религию своею религией. В таком государстве, — писал И.С. Бердников, — регулятором правовых отношений делается не закон, но и церковные правила, тоже в качестве государственных законов»[4]. В результате монарх, который всегда на Руси рассматривался как защитник и попечитель Русской Церкви, «вокруг которого организуется церковная жизнь»[5], получал широкие законные возможности оказывать влияние не только на организационно-административные вопросы церковной жизни, но и принимать непосредственное участие в разрешении канонических проблем. Миропомазание вступившего на престол государя делало все его правовые веления в глазах подданных не только обязательными в силу закона, но и в силу восприятия этого закона как продолжения церковных правил, нормировавших их правовое поведение согласно каноническим установлениям многие века.

В области законодательного установления прав монарха на регулирование царско-церковных отношений важнейшую роль сыграла идея «симфонии властей», рожденная на свет в VI в. византийским императором Юстинианом и помещенная им в 6-ю новеллу (Codex' a Juris

[1]Шумигорский, 1907:122), Шумигорский Е.С. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С.122.

[2] СЗ РИ 1912 ОГЗ 1906 Ст. 64. С. 11.

[3] Wortman, R. The Russian Imperial Family as Symbol // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 1998. P.74.

[4]Бердников, 1885;13). Бердников. И.С. Церковное право, как особая самостоятельная правовая область и его отношение к общей системе права. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1885. С. 13.

[5] Ефимовских В.Л. Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период // Вестник Пермского университета. Вып. 1(19). 2013. С. 41.

Canonici). Перенесенная на Русь вместе с крещением, она получила свое законодательное выражение сначала в Кормчей книге («греческим языком Номоканон») (Кормчая книга XV в.: 164), а с 1551 г. была внесена в 62 главу Стоглава[1].

Начиная с этого времени, права русского государя в отношении регулирования царско-церковных отношений становятся все более значимыми, что отчетливо видно из текстов нормативных документов синодального периода, включая Акт о престолонаследии 1797 г.[2], Регламент или Устав Духовной Коллегии 1721 г.[3], узаконивший упразднение патриаршества и установление коллегиальной власти Синода. Сюда же относятся Уставы духовных консисторий 1841[4] и 1883 гг.[5], ст. 43 ОГЗ 1832 г., ст. 65 ОГЗ 1906 г., Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1845 г., Свод Учреждений и Уставов Управления духовных дел иностранных исповеданий: христианских и иноверных 1857 г., Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»[6] и другие нормативные акты. Все они, прямо или косвенно, указывали на доминирующую роль царствующего монарха в определении порядка церковной жизни.

**Наследственное преемство верховной власти.** Неизменный порядок ее передачи от почившего монарха к его законному наследнику по мужской линии по праву первородства имел первостепенное значение для сохранения структуры и полномочий российского самодержца, которые по мере развития российской государственности, хотя частично изменялись и совершенствовались, но не меняли своего основного содержания.

Порядок престолонаследия вырабатывался в течение не менее восьми веков, со времени принятия христианства на Руси и до конца XVIII в. Он миновал сложнейший путь государственно-правовой эволюции, который начинался передачей верховной власти по праву родового старейшинства и вечевого выбора князя, оставил позади насильственный захват княжеских столов и установление великого княжения по ханскому ярлыку. Его выбор был одобрен соборной волей русского народа, вернувшего Руси самодержавие после Смутного времени. Преодолел он и как неудачные попытки олигархических групп ограничить права возведенных на российский престол их усилиями царских особ, так и законодательный отказ от династической идеи замещения императорского престола, введенный Уставом 1722 г. Оформление твердых законодательных правил

---

[1] Стоглавъ, 2011: 167). Стоглавъ. Соборъ бывшій в Москве при Великом Государе Царе и Великомъ Князе Иване Васильвиче (в лето 7059). СПб., 2011. С. 167.

[2] Акт, Высочайше утвержденный в день Священной Коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранилища на Престол Успенского Собора от 5 апреля 1797 г. // ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. XXIV. № 17910. С. 587−589.

[3] Регламент или Устав Духовной коллегии // ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. VI. № 3718. С. 314.

[4] Устав духовных консисторий. СПб.,1841.

[5] Устав духовных консисторий. СПб.,1883.

[6] Именной Высочайший указ, данный Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» // ПСЗ РИ Собр.третье. Т. XXV. № 26125. С. 257.

наследственного правопреемства императорского престола в Акте о престолонаследии 1797 г., основанном на агнатско-когнатическом принципе, способствовало предотвращению государственной нестабильности и прекращению острых споров вокруг наследников верховной власти. Этот Акт стал апофеозом правовой мысли русских государей, всегда стремившихся, как и весь русский народ, к выработке формы верховной власти на основе безусловного единодержавия и ее законного наследования. При таких условиях, наследственное преемство престола невольно предусматривало передачу верховной власти в ее самодержавной форме, что в полной мере соответствовало интересам русских государей и народа, было закономерным историко-правовым следствием эволюции российской христианской государственности.

В завершении статьи отметим, что наука истории государства права идет вперед, открывает новые методологические подходы, предлагает новые историографические факты и исследования, раскрывает неизвестные ранее нормативные и литературные источники. Это обстоятельство как нигде очевидно в приложении к изучению историко-правового аспекта развития верховной власти в России, к исследованию ее структуры и полномочий наследственного российского монарха.

***Библиографический список***


1. Алексеев А.С. Русское государственное право. М.: Типография А. Гатцука, 1892. − 486 с.
2. Бердников. И.С. Церковное право, как особая самостоятельная правовая область и его отношение к общей системе права. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1885. − 31 с.
3. Бобровницкая И.А. Первая императорская корона России // Мир музея. 1988. № 4. С. 44−52.
4. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права: в 3-х т. Т.1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1875.− XI, [1], 436 с.
5. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. XXII. № 16187. С. 358–384.
6. Грачев Н.И. Функции государства, верховной власти и государственного аппарата // Вестник Саратовской государственной академии. 2019. № 3 (128). С. 24.
7. Ефимовских В.Л. Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период // Вестник Пермского университета. Вып. 1(19). 2013. С. 38−46.
8. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М.: Москва, 2002. – 390 с.
9. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. 3-е изд. дополненное. М.: Издательство «Фонд ИВ», 2007. – 597 с.
10. Корф С.А. История русской государственности. Основные черты древне-русского государства. Т. 1. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1908. − VIII, 273 с.
11. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М.:тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 217С.
12. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: 2 Отд-ние собств. е. и. в. канцелярии, 1871. С. 223–224.
13. Рождественский Н. Ф. Руководство к российским законам. СПб.: тип. Э. Праца, 1848. – 509 с.

14. Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. СПб.: Издательство «Книжные магазины Н.Я. Оглобина», 1886. − 307 с.
15. Сокольский В.В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса: экон. тип. (б. Одес. вестн.), 1890. – [4], 334, X с.
16. Стоглавъ. Соборъ бывшій в Москве при Великом Государе Царе и Великомъ Князе Иване Васильвиче (в лето 7059). СПб.: Воскресеніе, 2011. – XXIX, 273 с.
17. Тихомиров М.Н. Монархическая государственность. М.: ГУП "Облиздат", ТОО "Алир", 1998. − 672 с.
18. Устав духовных консисторий. СПб.: Синод. тип., 1841. – 134. с.
19. Устав духовных консисторий. СПб: Синод. тип., 1883. – 200 с.
20. Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб, 1907. − 214 с.
21. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона: в 86 т. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1898. Т. XXIV. .
22. Wortman, R. The Russian Imperial Family as Symbol // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. − Pp. 60−86.